

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.075
УДК 808.1-055.2 + 821.161.1-31 + 94(470)“1850”

М. Ю. Попова
С. И. Ермоленко

«ЧУТКИЕ ВЫРАЗИТЕЛИ ЭПОХИ»: ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ-ЖЕНЩИН 1850-х гг.

Статья посвящена малоизученному феномену «женской» прозы 1850-х гг. — самому зрелому периоду в творческой эволюции писательниц. Внимание авторов сосредоточено на вопросе возникновения данного феномена, а также на проблеме художественного своеобразия произведений беллетристок. В исследовании предпринята попытка характеристики прозы авторов-женщин в жанровом аспекте. Корпус исследуемых в статье произведений может представлять особый научный интерес — многие из них не переиздавались с момента публикации.

Ключевые слова: 1850-е гг.; писательницы; проза; жанр; повесть; роман

С конца 1830 — начала 1840-х гг. в разных отечественных журналах появляется женская проза¹. К середине века, когда «в небывалом дотоле объеме» в литературу пришли «женщины-поэты, женщины-романисты» [Белецкий, с. 17–18], относится начало качественно нового периода в развитии женской беллетристики. Среди беллетристок значительные дарования, уже признанные к 1850-м гг. (Ю. В. Жадовская, М. С. Жукова, А. Я. Марченко, А. Я. Панаева, Е. П. Ростопчина, Е. В. Салиас-де-Турнемир), и менее известные авторы (Т. С. Астракова, А. И. Бибилова, Е. П. Ермолова, Е. А. Ладыженская, Н. П. Шаликова, Н. С. Юрьева).

¹ Данная статья не относится к гендерным исследованиям. Называя прозу «женской», мы имеем в виду ее принадлежность беллетристкам 1850-х гг. (вместо использования громоздкого словосочетания «проза, созданная писателями-женщинами»).

ПОПОВА Мария Юрьевна — аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: pop.masha2014@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-4918-2111

ЕРМОЛЕНКО Светлана Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: ermolenko-1@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5606-7007

© Попова М. Ю., Ермоленко С. И., 2021

Литература реагирует на один из вызовов времени — кризис институтов брака и семьи, вне которых сложно представить женскую судьбу. По словам дореволюционного ученого-историка, писателя и публициста П. В. Безобразова, женщина в середине XIX в. была так же «прикреплена» к супругу, «как крепостной был прикреплен к земле и не имел права переходить с места на место по своему усмотрению» [Безобразов, с. 25]. Причем зависимое положение женщины утверждалось законом². Поэтому «женский» вопрос во второй трети XIX в. (особенно в последние годы царствования Николая I) был так же злостодневен, как и крестьянский. Об актуальности «женского» вопроса свидетельствует статья выдающегося хирурга, общественного деятеля и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856), в финале которой он формулирует свое понимание «высокого назначения» женщины в социуме, не совпадающее с официальными воззрениями: «Пусть поймут [женщины. — М. П., С. Е.], что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова и первую молитву, делают главными зодчими общества. Краугольный камень кладется их руками» [Пирогов, с. 51].

Женщина в середине века, как видим, с одной стороны, была ограничена сложившимися рамками семейно-бытовых и общественных отношений, с другой — ей отводилась едва ли не главная роль в воспитании детей, т. е. от нее зависело будущее общества, страны.

Важное значение социально-общественных условий в формировании характера женщины во все времена несомненно. Вместе с тем, начиная со второй половины XVIII в. и вплоть до конца первой половины XIX века, отмечал Ю. М. Лотман, «женский характер, как никогда, формировался литературой» (первая половина XIX в. — биографическое время беллетристок, о которых идет речь в статье). Становление женщины под влиянием литературы происходило в процессе «постоянного и активного» усвоения «ролей, которые отводили ей поэмы и романы». «Именно тогда, — продолжает ученый, — сложилось представление о женщине как *наиболее чутком выразителе эпохи* — взгляд, позже усвоенный И. С. Тургеневым и ставший характерной чертой русской литературы XIX века». В эти годы, утверждает далее Ю. М. Лотман, «сформировался художественный (и жизненный) стереотип: мужчина — воплощение социально типичных недостатков, женщина — воплощение общественного идеала». «Женский образ дал литературе положительного героя (здесь и далее в цитатах курсив наш. — М. П., С. Е.)» [Лотман, 1994, с. 64]. Так, в самой жизни возникает конфликт («жизненный стереотип»), который на долгие годы обусловит типичную сюжетную ситуацию в русской литературе («художественный стереотип») — духовно сильная героиня и слабый герой, ситуацию, которую в те же 1850-е гг. Н. Г. Чернышевский

² В статьях 106–107 Гражданского кодекса (1832) следующим образом регламентируются «семейственные» права и обязанности: «Муж должен любить собственную жену как самого себя, жить с ней в мире, уважать и защищать ее, прощать ее недостатки и помогать ей в трудностях. Ему положено содержать и кормить ее соответственно своим возможностям, в то время как жене *надлежит повиноваться* мужу как главе семьи, любить, уважать его и *подчиняться его воле*; кроме того, как хозяйка дома она *должна угождать* ему и *выказывать* ему *преданность*» [Свод законов Российской империи, т. 10, с. 12].

обозначит формулой «русский человек на rendez-vous» [Чернышевский, т. 5, с. 156–174]. «Чуткое» внимание беллетристок к сложившемуся в 1850-е гг. «жизненному стереотипу», определившее первостепенный интерес к внутреннему миру женского персонажа, оказалось созвучно формирующейся в общественном сознании новой концепции личности. Утверждавшаяся в литературе концепция личности повлекла за собой изменение в «формуле реализма» (Ю. М. Проскурина), которое заключалось в изображении нравственного противостояния человека неблагоприятным обстоятельствам [Проскурина, с. 123].

В связи с выдвиганием на первый план образа героини возникает закономерный вопрос: как соотносятся женские типы, разработанные беллетристками, с системой литературных персонажей, характерной для 1850-х гг.: «лишний человек», «романтик-энтузиаст», «герой-труженик» [Там же]. Исследования Ю. М. Лотмана позволяют сделать вывод о том, что к концу первой половины XIX в. формируется собственно женская типология «литературно-бытовых» образов («стереотипов»): «образ ангела», его антипод — «демонический характер» и «женщина-героиня». Первый тип — образ нежно любящей, тонко чувствующей, поэтической натуры, чьи «душа, здоровье и жизнь разрушены жестокостью общества». Такой тип женщины соотносится с *образом ангела*, «случайно посетившего землю и готового вернуться на свою небесную родину». *Демонический тип* отличается от первого поведением, нарушающим нормы приличия, «условности созданного мужчинами мира», и ассоциируется с образом «беззаконной кометы». Характерная черта *женщины-героини* — «включенность в ситуацию противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины». Женщина такого типа сожалеет о том, что «мужчина *мог бы* совершить», но не совершил или «совершил», но «не полностью» [Лотман, 1994, с. 65–72].

По мнению А. А. Пономаревой, тип женского персонажа в русской литературе 1850-х гг. можно определить как *сильная героиня*. Предтечами данного женского образа можно считать героинь романов Ж. Санд с их превосходством над возлюбленным, стремлением к самостоятельности, достигающейся посредством труда. Кроме «жоржсандовского» влияния, ощутимо воздействие на женскую прозу и пушкинского романа «Евгений Онегин», в последней главе которого Татьяна Ларина предстает как нравственно сильная героиня [Пономарева, 78]. К новому женскому типу А. А. Пономарева относит героинь повестей «Тени прошлого» (1850) Т. Ч. (псевд. А. Я. Марченко), «Горы» (1856) А. Марченко, «Деревня» (1853) Ольги Н. (псевд. С. В. Энгельгардт), «Заколдованный круг» (1854) Е. Тур (псевд. Е. В. Салиас де Турнемир), «Неудавшаяся жизнь» (1857) С. Вахновской (псевд. Е. А. Ладыженской) и др.

Соглашаясь с А. А. Пономаревой, заметим, что выдвигание на первый план типа, ранее обозначенного Ю. М. Лотманом как *женщина-героиня*, характерно не только для творчества беллетристок, но и для прозы 1850-х гг. в целом.

Подчеркнутая исследователями нравственная сила женских персонажей заключается в способности выдержать жизненные испытания, какими бы тяжелыми они ни были. Такова героиня повести Е. М-вой (псевд. Е. П. Майковой) «Женщина» (1850) Софья Николаевна Запольских, которая встречает своего

бывшего возлюбленного Дмитрия Львовича Руслова уже после смерти супруга и отвечает ему отказом, хотя, казалось бы, их счастье стало возможным. Но Софья видит теперь смысл и назначение своей жизни в воспитании детей, исполняя последнюю просьбу своего мужа: «...научи их жить на земле, между людьми... не между ангелами» [Е. М-ва, с. 161].

Примером нравственной чистоты и стойкости можно считать Катеньку из повести Л... (псевд. Е. Н. Ахматовой) «Rendez-vous» (1850). «Забытая жертва юношеской шалости, беспечного обмана», Катенька способна спустя тринадцать лет дать второй шанс «отцветшему Дон-Жуану» Аркадию Александровичу Бурлину. Однако ее душевная щедрость не найдет должного отклика, Катенька снова будет брошена. В финале видим контраст между образами мятущегося, упустившего свое счастье Бурлина и верной своим нравственным принципам Екатерины. Героиня с достоинством ответит Бурлину на его запоздалое предложение замужества: «У вас доброе сердце, но склонности и ощущения переходчивые: вы не могли бы долго любить вашу жену, и были бы оба несчастливы. В сорок лет трудно перемениться, исправиться. Я не думаю о замужестве. Благодарю Вас за предложение. <...> Я привыкла к мысли всегдашнего девичества и не скажу, что я несчастлива...» [Л..., с. 303–304]. Подобно Софье и Екатерине, героиня повести Е. Тур «Долг» Вера смогла справиться с волнениями своего сердца. Осознав, что влюбилась в Льва Александровича, с которым коротко познакомилась во время отъезда своего мужа, она просит гостя уехать, а после напишет ему: «Отныне я посвящу себя на вечную заботу о других» [Тур, 1850, с. 59].

Типичным для повестей беллетристок является прием противопоставления духовно стойких героинь слабому герою. В повести Ольги Н. «Суженого конем не объедешь» (1854) слабый тип представлен в лице Юрия Федоровича Нагибина: «...живость физиономии и приемов не скрадывала в Юрии печати немужской мягкости характера, отсутствия всякой энергии» [Ольга Н., с. 388]. Нагибин может жить только «под ярмом» подавляющих его женщин (будь то мать или опытная светская львица). Слабохарактерным предстает на фоне женщины и Антон Николаевич Темницкий — герой повести Е. Подольской (псевд. Е. П. Майковой) «Женщина в 30 лет» (1850). Темницкий до конца не может понять, кого он любит: тридцатилетнюю вдову Зинаиду Александровну Столину или ее семнадцатилетнюю племянницу Агнею. И даже уже совершив опрометчивый поступок (предложив руку и сердце Агнее), герой, погруженный в свои душевные переживания, не способен заняться приготовлениями к свадьбе. Этим вместо него, выполняя свой родственный долг, занимается Зинаида, не напоминая быломu возлюбленному о клятве верности, которую они некогда дали друг другу. «Свое нравственное превосходство над человеком, в котором так горько ошибалось ее сердце», чувствует и Манечка, героиня повести Т. Ч. «На походе» (1857) [Т. Ч., с. 394].

Сравнивая повести 1850-х гг. с «женской» прозой 1830–1840-х, можно увидеть, как меняется интерпретация темы любви. В прозе предшествующих десятилетий, пишет Е. В. Хохлова, любовь понимается как «смысл женского существования». «Большинство произведений Н. Дуровой, Е. Ган, Е. Ростопчиной, А. Панаевой,

М. Жуковой посвящены именно этой теме и раскрывают различные варианты любовных отношений» [Хохлова, с. 39]. Рассматривая динамику женского типа 1840–1860-х гг. в творчестве Ю. В. Жадовской, исследовательница отмечает, что в 1840-е гг. в прозе писательницы «варьируется сюжет непонятой, отвергнутой, несостоявшейся любви, разрешающейся трагически» [Там же, с. 5]. К произведениям с таким сюжетом Е. В. Хохлова относит повести «Простой случай» (1847), «Переписка», «Отрывки из дневника молодой женщины» (1848), «Непринятая жертва» (1849). К аналогичным выводам об особенностях сюжетостроения прозы Н. Станицкого в 1840-е гг. приходит и С. В. Татаркина [Татаркина, с. 101–102].

Героини же повестей 1850-х гг., напротив, пытаются реализовать или уже реализовали себя в других сферах. Хотя испытание любовью является важным этапом духовного взросления героинь, все же смысл жизни для них заключается не только в любви. Например, главная героиня повести Е. Тур «На рубеже» (1857) — молодая вдова Татьяна Ильинична Истомина говорит влюбленному в нее доктору: «...сердце мое пережило свою любовь», пресекая его попытки сближения в редкие минуты их уединения. Свое назначение она видит в том, чтобы помогать страждущим — лечить больных тифом крестьян села Знаменское [Тур, 1856, с. 860].

Художественные задачи, которые ставят перед собой авторы-женщины 1850-х гг., обусловили их жанровые предпочтения. В 1850-е гг., в сравнении с 1840-ми, в творчестве беллетристок замечен не только количественный рост повестей, но и обращение к жанровой форме романа

По мнению Е. В. Хохловой, «женская» повесть формируется в 1840-е гг. в «рамках “светской” повести» как ее «особая разновидность» [Хохлова, с. 22]. Несмотря на очевидную схожесть «женских» любовных повестей середины века со светскими повестями 1830–1840-х гг.³, думаем, однако, что «женская» повесть — это психологическая жанровая модификация светской повести, с особым, свойственным только ей образом мира (о жанровой специфике светской повести см.: [Ермоленко, Валек, с. 26–74]).

Е. А. Ган была первой (и, пожалуй, единственной до середины века), кто вслед за светскими повестями 1830-х гг. («Идеал», 1837; «Медальон», 1839; «Суд света», 1840) в начале 1840-х гг. создает отличные от предыдущих повестей произведения «Теофания Аббаджио» (1841), «Напрасный дар» (1842, не заверш.). Повести посвящены изображению жизни женской души. Героиня первой повести Теофания, дочь обедневшего негоцианта, переживает драму несостоявшейся любви. Ее жених Александр Долиньи, не исполнив последнюю волю умирающего отца (взять в жены Теофанию), женится на красавице-кокетке Ольге, не представляющей свою жизнь вне света. Казалось бы, любовная сюжетная линия дана в жанровых традициях светской повести. Однако женитьба Александра Долиньи объясняется

³ На связь повести Н. Д. Хвоцинской «Анна Михайловна» с традициями светской повести указывал А. И. Тыминский [Тыминский, с. 155–156]. По мнению Джеммы Гейт, повесть Н. Соханской «После обеда в гостях» (1858) и роман А. Я. Панаевой «Три женские доли» (1862), относящийся, правда, вопреки заглавию раздела («Женщины 1830-х и 1850-х годов: альтернатива периодизации») уже к 1860-м гг., имеют много общего с написанными ранее светскими повестями «Вечера на Карповке» (1838–1839) М. С. Жуковой и «Суд света» Е. А. Ган [Gheith, Jehanne, p. 85–99].

не внешними (социальными) причинами, а внутренними — его свободным выбором, который оказался ошибкой. Александр не смог понять скромную Теофанию, не угадал сердцем ту единственную, которая была предназначена ему свыше. В. Г. Белинский, назвав «Теофанию Аббаджио» «решительно лучшей из всех повестей» Е. А. Ган, увидит в ней «самую злую сатиру на мужчин, самую неумолимую улику им в их тупости и близорукости в деле любви». И в то же время критик отметит: «...как возвышенна эта Теофания в ее молчаливом и гордом страдании, в ее свободном примирении с мыслию о бесплодно погибшей жизни и о разрушенных навеки лучших надеждах ее!..» [Белинский, т. 7, с. 659]. Предметом изображения в повести «Напрасный дар» являются судьбы двух героинь — Анюты и Веры, каждая из которых наделена «божественным даром»: одна — вдохновенным, поэтическим, другая — чутким и любящим сердцем. Но и тот, и другой «дар» оказались «напрасными», ненужными миру. В повестях «Теофания Аббаджио» и «Напрасный дар» акцент с описания «света» переносится на изображение характера героинь. Задача раскрытия внутреннего мира женщины определяет новое жанровое содержание не только отмеченных повестей Е. А. Ган начала 1840-х гг., но и произведений беллетристок следующего десятилетия.

Стремление показать женский мир изнутри, запечатлеть самые потаенные мысли женщины, едва уловимые во внешних проявлениях оттенки ее чувств обуславливает специфику субъектной организации «женских» повестей. Но если в произведениях Е. А. Ган наличествует «всеведущий» повествователь, которому известны мысли и чувства героини («Теофания Аббаджио»), или же вводится доверенное лицо — рассказчица, понимающая женское сердце («Напрасный дар»), то в повестях 1850-х гг. чаще используется прием внутреннего самораскрытия героинь.

Для повестей беллетристок исследуемого периода характерно использование писем, дневников, записок. Таковы, например, эпистолярные повести «Долг», «Заколдованный круг» Е. Тур, «Женщина» Е. М-вой, «На походе» Т. Ч. Повесть Ольги Н. «Суженого конем не объедешь» представляет собой рассказ от первого лица со свойственным этой форме исповедальным началом, которое прямо заявлено в произведении: «Целые десять дней я не увижу вас, друг мой. Но только вдали от вас я сумею, может быть, заняться не вами исключительно. Приступаю к обещанному вам рассказу — к чистосердечной, полной *исповеди*» [Ольга Н., с. 387]. В некоторых повестях женской прозы 1850-х гг. повествование ведется от 3-го лица, однако произведения могут содержать автодокументальные вставки: например, в повесть Л... «Rendez vous» включены письма героев.

Своеобразие жанрового содержания влияет и на пространственно-временную организацию повестей. В поздних произведениях Е. А. Ган и в «женских» повестях 1850-х гг. местом действия нередко становятся усадьбы, находящиеся в деревне или в провинциальных городах⁴. Усадебное пространство в «женской» повести соотносится с основными компонентами идиллического хронотопа — природа,

⁴ Именно поэтому представительница гендерного подхода Катриона Келли называет «женские» повести «провинциальными», ссылаясь только на их пространственно-временные особенности [Kelly, p. 79–91].

любовь, семья, деторождение, смерть. Они, как писал М. М. Бахтин, могут сублимироваться «в высоком философском плане» «как некие вечные, великие и мудрые силы мировой жизни». Эти силы, продолжает ученый, «даются... как врачующие, очищающие и успокаивающие» [Бахтин, т. 3, с. 477–478]. Так, действие в уже упомянутой повести «На рубеже» Е. Тур происходит в селе Знаменское, куда после смерти мужа приезжает жить Татьяна Ильинична Истомина со своей дочерью Машей. Здесь ей удается, отказавшись от неожиданно вспыхнувшего чувства, обрести душевное равновесие. «Врачующее» действие усадебной природы испытает на себе и Софья Николаевна Запольских — героиня повести Е. М-вой «Женщина».

В «женской» повести большее внимание отводится не столько внешнему сюжету (встреча — влюбленность — расставание), сколько внутреннему — смене душевных переживаний, соотносящихся с динамикой любовных взаимоотношений. Например, повесть Е. Тур «Долг» состоит из писем Веры ее подруге Софье, в которых подробно переданы разные эмоциональные оттенки зарождающегося чувства в его противоборстве с нравственными принципами девушки, а описание встреч и свиданий с Этьеном, симпатизирующим ей, в повести почти отсутствует.

Часто в «женских» повестях, помимо любовной сюжетной линии, содержится история детства героинь. Описание среды, в которой воспитывается девушка, позволяет увидеть истоки формирования таких ее духовных качеств, как честность, кротость, смирение, терпение, умение любить и прощать. Детские и юношеские переживания имеют важное значение в становлении героинь повестей «Rendez-vous» Л..., «Женщина» Е. М-вой, «Долг» Е. Тур, «Наденька» (1853) М. С. Жуковой и др. Задача авторов изобразить не один (любовная драма), а несколько этапов формирования женского характера требовала расширения границ повести, что приближало ее к роману. Об этом, например, пишет Е. В. Хохлова, называя повесть «Сила прошедшего» (1851) этапным произведением в жанровой эволюции прозы Ю. В. Жадовской: «Вводя предысторию в повесть, писательница *стремится преодолеть условности избранного жанра, расширить его границы*, распространить во времени изображение характера, что во многом соответствует характеру *романной формы*» [Хохлова, с. 85].

Не только повесть стремилась осваивать романное содержание, но и роман пользовался художественными открытиями повести. «Часто роман, — замечает Л. М. Лотман, — по видимости и по своей структуре не связанный с повестью, вбирал в себя проблематику и художественные достижения повести и, уходя от обычных закономерностей построения повести, включал в себя отдельные повести в качестве идейно-тематических линий, переплетение которых и определяло его построение» [Лотман, 1973, с. 399].

На жанровые процессы в литературе 1850-х гг. заметное влияние оказывает тенденция к циклизации, ведущая к возникновению больших жанровых форм (см. об этом: [Сутягина, Попова, 2021, с. 178–189; Тыминский, с. 175]). Наряду с авторскими «собранными» циклами возникают и «скрытые», по определению А. И. Тыминского, циклы, объединяющие произведения, на первый взгляд, казалось бы, не связанные между собой. Например, в творчестве Н. Д. Хвощинской

«скрытые циклообразующие связи пронизывают практически все романы и повести... связывая их в единое эпико-хроникальное ретроспективное повествование о русской губернской жизни». Более того, Н. Д. Хвощинская станет едва ли не первой из русских писателей середины века, кто создаст цикл романов «Провинция в старые годы» (1849–1856), в который войдут романы «Кто же остался доволен?» (1854), «Последнее действие комедии» (1855), «Свободное время» (1856) [Тыминский, с. 175].

Отмеченные жанровые процессы способствовали выдвиганию на первый план в прозе 1850-х гг. жанра романа, который в творчестве беллетристок будет представлен разными модификациями: роман воспитания (А. Я. Марченко «Дина», 1853), любовный роман (Е. П. Ростопчина — «Дневник девушки», 1849, «Счастливая женщина», 1852 и «У пристани», 1857; Ю. В. Жадовская «В стороне от большого света», 1857), семейно-бытовой роман (А. Я. Панаева «Мелочи жизни», 1854; Е. Тур «Племянница», 1851), семейно-биографический роман (Е. П. Ростопчина «Палаццо Форли», 1854), социально-психологический роман (Н. Д. Хвощинская — «Испытание», 1854, «Свободное время», «Баритон», 1857; А. Я. Панаева и Н. А. Некрасов — «Три страны света», 1849, «Мертвое озеро», 1851)⁵.

Можно с уверенностью сказать, что литературное творчество стало для писательниц тем «пространством», где они, освобождаясь от налагаемого обществом «духовного корсета»⁶, разрабатывали и утверждали тип женщины-героини («сильной женщины»), которая может духовно противостоять неблагоприятным обстоятельствам, что было связано с ростом самосознания личности, свойственным эпохе середины века.

Итак, в 1850-е гг. в жанровой системе русской прозы заметное место занимает разновидность психологической повести, условно названная нами «женской», главным предметом изображения в которой становится мир женской души. Ставя перед собой художественную задачу раскрыть этот мир во всей сложности и полноте, показать его формирование и эволюцию, писательницы нередко ощущали ограниченность рамок повести, что объясняет их обращение к большой жанровой форме — роману, который был представлен в их творчестве разными модификациями. Так женщины-писательницы способствовали утверждению жанра романа, которому в следующих десятилетиях будет принадлежать ведущая роль в русской литературе.

Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М. М. *Собр. соч. : в 7 т. М., 2012. Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.)*. С. 340–512.

Безобразов П. В. *О правах женщины*. М., 1895.

⁵ Проблема типологии жанровых модификаций «женского» романа середины века требует специального изучения.

⁶ Метафорическое выражение «духовный корсет», подразумевающее жесткую систему норм и правил, которым должна была подчиняться женщина XIX в., употребляет в своем исследовании И. Л. Савкина, ссылаясь на синонимичное определение «умственный корсет» Ю. С. Кристевой [Савкина; Kristeva, p. 94–97].

Белецкий А. И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860 гг. Харьков, 1919. Ф. РІ. Оп. 2. Ед. хр. 44/1.

Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой <Е. А. Ган>. Четыре части // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1855. Т. 7 : Статьи и рецензии, 1843. Статьи о Пушкине, 1843–1846. С. 648–678.

Е. М-ва (Майкова Е. П.) Женщина // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 147–180.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Екатеринбург, 2013. 253 с.

Л... (Ахматова Е. Н.) Rendez vous // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 253–304.

Лотман Л. М. Динамика взаимодействия романа и повести. Углубление концептуальности в повествовании // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1973. С. 382–423.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

Ольга Н. (Энгельгардт С. В.) Суженого конем не объедешь // Отечественные записки. 1854. Т. 92. С. 387–458.

Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Пирогов Н. И. Избр. пед. соч. / сост. А. Н. Алексюк, Г. Г. Савенков. М., 1985. С. 30–51.

Подольская (Майкова Е. П.) Женщина в 30 лет // Библиотека для чтения. 1850. Т. 101. С. 29–96, 169–192.

Пономарева А. А. Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017.

Проскурина Ю. М. Русская художественная проза «пятидесятых годов» XIX века (развитие реализма в повествовательных жанрах) : дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1984.

Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshirts, 1998. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (дата обращения: 03.05.2021).

Свод законов Российской империи : в 16 т. / под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского ; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт и В. Э. Герценберг. СПб., 1912. Кн. 3. Т. 8, ч. 2 ; Т. 11, ч. 1.

Сутягина Т. Е., Попова М. Ю. «Салалакские досуги» В. А. Соллогуба в контексте циклообразования 1850-х годов // Филологический класс (Екатеринбург). 2021. № 1. С. 178–189.

Т. Ч. (Марченко А. Я.). На походе // Рус. вестн. 1857. Т. 11, № 9. С. 344–394.

Татаркина С. В. Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е. В.) Долг // Современник. 1850. Т. 24. С. 5–60.

Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е. В.) На рубеже // Рус. вестн. 1856. Т. 11, № 10, кн. 2. С. 803–884.

Тыминский А. И. Поэтика прозы Н. Д. Хвощинской : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Хохлова Е. В. Жанровая эволюция прозы Ю. В. Жадовской : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.

Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася» // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1950. Т. 5 : Статьи 1858–1859 гг. С. 156–174.

Gheith Jehanne M. Women of the 1830s and 1850s: alternative periodizations // A History of Women's Writing in Russia / ed. by Adele Maria Barker and Jehanne M. Gheith. Cambridge, 2002. P. 85–99.

Kelly C. A. A History of Russian Women's Writing 1820–1992. Oxford, 1994.

Kristeva J. Desire in language : A semiotic approach to lit. a. art / by Julia Kristeva ; ed. by Leon S. Roudiez ; transl. by Thomas Gora et al. N. Y., 1980.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021 г.